

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.3

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-562-573

УРОВЕНЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МНОЖЕСТВЕННОЙ РУССКО-УКРАИНСКОЙ ЭТНОИДЕНТИЧНОСТИ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

THE LEVEL OF DISTRIBUTION OF MULTIPLE RUSSIAN-UKRAINIAN ETHNOIDENTITY IN THE BELGOROD REGION

В.В. Бубликов
V.V. Bublikov

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: bublikov@bsu.edu.ru

Аннотация

Отход от преобладавших в советский период представлений о возможности наличия у человека только одной национальной идентичности делает полиэтничные группы населения новым, «легитимным» объектом исследования. К настоящему времени механизмы трансформации идентичности населения в российско-украинском приграничье описаны достаточно подробно, однако количественные параметры распространения двойной русско-украинской этничности остаются практически не изученными. Целью исследования является оценка и анализ на основе эмпирических данных уровня распространения множественной русско-украинской идентичности среди жителей Белгородской области. Исследование показало значительное влияние общественно-политической конъюнктуры на декларируемую жителями Белгородского региона и соседних областей этничность (национальность). Причины таких изменений мы видим в трансформации в общественном сознании значения этнонимов «русский» и «украинец», которые из чисто этнических категорий (этнонимов) превратились в термины гражданские, характеризующие принадлежность к государству, а значит и лояльность к нему. Исходя из данных статистики переписей, национальный состав приграничных муниципалитетов Белгородчины за несколько десятилетий из двуэтничного превратился в моноэтничный. Однако при этом на приграничных территориях исследуемого региона значительная часть населения (23 %) имеет множественную этноидентичность, относя себя одновременно и к русским, и к украинцам, а элементы украинской этнокультуры прочно вошли в региональную идентичность всего населения. Впервые с помощью социологических методов была выявлена доля жителей с двойной русско-украинской идентичностью в приграничных с Украиной российских территориях. Эти данные показывают необходимость совершенствования методологии сбора статистических сведений об этническом составе населения страны. Статья может представлять интерес для этносоциологов, этнологов и сотрудников статистической службы РФ.

Abstract

The departure from the prevailing notions that prevailed in the Soviet period about the possibility of a person having only one ethnical identity makes multiethnic groups a new, “legitimate” object of research.

To date, the mechanisms for transforming the identity of the population in the Russian-Ukrainian border region are described in sufficient detail, however, the quantitative parameters of the distribution of the dual Russian-Ukrainian ethnicity remain practically unstudied. The aim of the study is to evaluate and analyze, based on empirical data, the distribution level of multiple Russian-Ukrainian identity among residents of the Belgorod region. The study showed a significant influence of the socio-political situation on the ethnicity declared by the residents of the Belgorod region and neighboring regions. Census statistics make it possible to distinguish two stages of “ethnic revolutions” - the 1930s and 1990s, when the ethnic composition of a number of municipalities of the Belgorod region changed dramatically. We see the reasons for such changes in the transformation in the public consciousness the meaning of the ethnonyms “Russian” and “Ukrainian”, which from purely ethnic categories (ethnonyms) have turned into civilian terms that characterize belonging to the state and therefore loyalty to it. Thus, the ethnic composition of the border municipalities in the Belgorod region over the course of several decades has evolved from a biethnic to a monoethnic one. However, at the same time, the real ethnic identity of the autochthonous population did not change so swiftly and unambiguously. A sociological study of 2018 shows that in the border areas of the Belgorod region, a significant part of the population (23 %) has multiple ethnic identity, referring to both Russians and Ukrainians at the same time, and elements of Ukrainian ethno-culture firmly entered into regional identity of the entire population. The results of the study show the need to improve the methodology for collecting statistical information on the ethnic composition of the country's population. The article may be of interest to ethnosociologists, ethnologists, and employees of the statistical service of the Russian Federation.

Ключевые слова: множественная этноидентичность, биэтничность, национальный состав, Белгородская область, русско-украинское население, русские, украинцы.

Key words: multiple ethnic identity, biethnicity, ethnic composition, Belgorod region, Russian-Ukrainian population, Russians, Ukrainians.

Этническая идентичность жителей региона в отражении статистики переписей населения

Исторически территория современной Белгородской области являлась регионом заселения и освоения двумя этническими группами – русскими и украинцами, которые массово переселялись на эту территорию в XVII–XVIII вв. Несмотря на совместную колонизацию северной Слобожанщины, «каждый из этнопотоков сохранял специфику, стремясь передать и преумножить собственный культурно-исторический опыт» [Дудка, Оноприенко, 2011, с. 141], то есть процессы естественной ассимиляции были слабо выражены вплоть до середины XX в. и имели амбивалентный характер. Вместе с этим, как отмечает Л.Н. Чижикова, «длительное совместное проживание русских и украинцев, их тесные хозяйственно-экономические связи привели уже в дореволюционное время к значительному этнокультурному сближению русских и украинцев» [Чижикова, 1988, с. 3].

Ряд авторов во второй половине XIX – начале XX вв. даже отмечали возникновение некоторых переходных этнических групп: «В Курской губернии многовековое мирное сожительство великороссов и украинцев привело к образованию многочисленных этнических групп среднего переходного типа, который по языку и своему характеру гораздо более близок к Харьковскому украинцу, чем к Орловскому великороссу» [Дроздов, 2016, с. 94]. Как смешанный часто описывался и язык местного населения: «За исключением высшего круга, в Курской губернии не говорят чисто ни по-русски, ни по-малороссийски, а каким-то смешанным языком, от этих двух происходящим», но при этом «редко русские вступают в брак с малороссиянами и обратно, от этого надо полагать, что долго эти два племени не сольются совершенно»¹. [Военно-статистическое..., 1850, с. 42].

---

¹ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIII. Ч. 3. Курская губерния. 1850. СПб., Департамент генерального штаба. С. 42.

В XX в. процессы «смешения» стали более интенсивными как за счёт объективных факторов (массового переселения из села в город, увеличения доли смешанных браков и пр.), так и субъективных – изменений в государственной национальной политике. Последний, общественно-политический фактор особенно проявился после 1932 г., когда, как пишет К.С. Дроздов: «Прекращение политики украинизации в РСФСР, репрессии против украинизаторов и первые этнические чистки отразились и на русско-украинских взаимоотношениях: теперь национальность стала восприниматься местным населением как один из критериев политической благонадежности» [Дроздов, 2016, с. 458].

С.А. Филонович полагает, что «после отмены украинизации (в 1933 г. – В.Б.) началась массовая смена идентичности: быть русским считалось безопаснее, чем украинцем, поскольку русских нельзя обвинить в национализме. Этот процесс обострился после Великой отечественной войны. К моменту распада СССР большинство украинцев (Центрально-Черноземных регионов РФ – В.Б.) стали называть себя русскими по политическим соображениям» [Филонович, 2019, с. 142]. Этнонимы «русский» и «украинец» в 1930-е гг. и после 1991 г. стали всё больше приобретать не *этнический*, а *гражданский* смысл.

Об этом же пишет и В.А. Тишков: «Русскость, перейдя из широкой категории “православного человека” великорусского, малорусского и белорусского происхождения в более узкую категорию этнической общности (“нации”), становилась все более престижной и безопасной в условиях доминирования советской русскоязычной культуры и ужесточающегося политического режима» [Тишков, 2007, с. 86].

Действительно, по данным переписей населения между 1926 и 1939 гг. численность украинцев на территории Белгородского региона сократилась в четыре раза (с 683 тыс. до 170 тыс.), а между 1989 и 2010 гг. почти в два раза (с 75 тыс. до 42 тыс.)². В целом же за восемь десятилетий (1926–2010 гг.) численность этнических украинцев сократилась по данным переписей в регионе в 16 раз при росте числа русских в 1,5 раза. Эти процессы не имели под собой демографической или миграционной основы, поскольку сколь-нибудь значимых различий в демографических показателях у представителей двух этногрупп не наблюдалось. Численность русских и украинцев менялась прежде всего в связи со сменой официальной идентичности (т.е. в документах и при переписях).

Наиболее выражены процессы смены самоидентификации заметны в статистике переписей в приграничных с Украиной российских территориях. При их анализе чётко прослеживаются два периода «этнических революций», когда смена национального состава происходила темпами, неподдающимися логическому объяснению (демографическим, миграционным и даже ассимиляционным причинам, в классическом понимании этого термина), кроме различий в общественно-политических условиях.

Первый и самый масштабный период таких изменений – 1930-е годы. Например, в Краснояружском районе (ныне Белгородская область) по данным переписей 1926 и 1939 гг. две основные этногруппы как-бы поменялись местами. Если в 1926 г. украинцы составляли 88,2 %, а русские – 11,5 %, то всего через 13 лет, в 1939 г., соотношение было практически зеркальным: украинцы – 3,4 %, русские – 96,2 % (табл. 1). Схожая, хотя и менее экстремальная динамика, была характерна и для большинства остальных районов Белгородчины.

---

² Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. III. Центрально-черноземный район. Средне-волжский район. Нижне-Волжский район. 1928. М., Издание ЦСУ Союза ССР. Национальный состав населения районов, районных центров, городов и крупных сельских населенных пунктов. Российский государственный архив экономики; фонд 1562, опись 336, дела 256–427. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Государственный архив Белгородской области; фонд Р106, опись 6, дела 52–92. 4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками. Гражданство. URL: http://belg.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/belg/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/.

Таблица 1
Table 1

Относительная численность русских и украинцев в приграничных муниципальных образованиях Белгородской области по данным переписей населения³ 1926, 1939, 1989, 2010 гг., %
The number of ethnic Russians and Ukrainians in the border municipalities of the Belgorod region according to the censuses 1926, 1939, 1989, 2010, %

Муниципальное образование	Этническая группа	1926 г.	1939 г.	1989 г.	2010 г.	Изменение 1926–2010 гг.
Ровеньский р-н	русские	4,0	13,3	25,9	91,5	+87,5
	украинцы	94,7	85,7	73,0	7,0	-87,7
Вейделевский р-н	русские	26,9	60,5	93,8	94,7	+67,8
	украинцы	72,8	38,8	5,2	2,9	-69,9
Валуйский гор. окр.	русские	69,2	84,7	95,2	95,2	+26,0
	украинцы	30,3	14,8	3,4	2,0	-28,3
Волоконовский р-н	русские	39,5	96,8	96,9	95,3	+55,8
	украинцы	60,3	2,9	2,1	1,7	-58,6
Шебекинский гор. окр.	русские	66,7	81,8	93,6	93,2	+26,5
	украинцы	33,1	17,9	5,0	3,5	-29,6
г. Белгород	русские	88,1	88,5	92,4	94,1	+6,0
	украинцы	7,2	8,3	5,3	3,4	-3,8
Белгородский р-н	русские	73,6	96,9	93,2	92,0	+18,4
	украинцы	26,2	2,7	5,2	4,8	-21,4
Борисовский р-н (за 1989 г. вместе с Грайворонским)	русские	28,3	60,1	94,2	93,5	+65,2
	украинцы	71,5	39,5	4,1	3,1	-68,4
Грайворонский гор. окр. (за 1989 г. вместе с Борисовским)	русские	47,8	67,8	94,2	91,7	+43,9
	украинцы	51,8	31,6	4,1	4,4	-47,4
Краснояржский р-н (за 1989 г. вместе с Ракитянским)	русские	11,5	96,2	95,7	91,8	+80,3
	украинцы	88,2	3,4	3,4	3,1	-85,1
В среднем на приграничных территориях	русские	50,9	79,2	91,3	93,6	+42,7
	украинцы	48,5	20,1	7,0	3,5	-45,0

Напомним, что переписи 1926 и 1939 гг. проходили в диаметрально противоположных общественно-политических условиях. Как отмечает Д.Д. Богоявленский, перепись 1926 г. «была наименее политизирована. В 1926 году от переписи ждали просто точного портрета общества, который позволит “строить жизнь”, а не “смотра всемирно-исторических побед” <...> Она была последней честной и откровенной. Не могло быть и мысли о сознательных приписках, как в 1939, не было даже и бюрократически-ведомственных утаек и недомолвок» [Богоявленский, 2006]. Поскольку результаты переписи 1937 г. «не устроили» партийно-правительственные органы и были признаны «вредительскими», а сами руководители ответственных за перепись структур репрессированы, то уже результаты переписи 1939 г. «подгонялись» под «нужные» как статистиками, так и местными властями.

Как пишет о периоде 1930-х гг. К.С. Дроздов, в деятельности партийных и правительственных органов «на первое место выходит совершенно иная цель – четкое и беспрекословное выполнение директив и указаний партийного руководства, центра, а не развитие и расцвет национальной культуры. <...> Курс на построение “советского народа” – единой

³ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. III. Центрально-черноземный район. Средне-волжский район. Нижне-Волжский район. 1928. М., Издание ЦСУ Союза ССР. Национальный состав населения районов, районных центров, городов и крупных сельских населенных пунктов. Российский государственный архив экономики; фонд 1562, опись 336, дела 256–427. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Государственный архив Белгородской области; фонд Р106, опись 6, дела 52–92. 4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками. Гражданство. URL: http://belg.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/belg/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/.

надэтнической общности активизирует процессы русификации многочисленных национальных сообществ СССР, в том числе и деукраинизацию украинцев России» [Дроздов, 2016, с. 452, 457].

Вместе с этим, несмотря на массовую смену официальной национальной идентичности в 1930-е гг., в ряде районов этот процесс был более медленным. В частности, в Ровеньском районе сокращение доли украинцев и рост численности русских в советские десятилетия был более плавным (в 1926–1939 гг. доля русских выросла с 4,0 до 13,3 %, а украинцев снизилась с 94,7 до 85,7 % (см. табл. 1). По всей видимости, столь разные темпы изменения соотношения русского и украинского населения в 1930-е годы в районах региона объясняются локальным фактором – различной степенью давления местных партийно-правительственных органов на население при записи национальности в документах.

Период 1950–1980 гг. уже не характеризовался резкими изменениями в официальной национальной идентичности населения исследуемого региона. В целом сказалось смягчение политического режима после смерти Сталина и стабилизация общественно-политической ситуации. Но и возврата к «старой» идентичности у населения украинского происхождения не произошло. Этому препятствовало наличие графы «национальность» в документах советских граждан, смена которой была фактически невозможной и продолжающимся курсом на русификацию, хотя и реализуемую уже в более мягких формах.

Второй период массовой смены официальной идентичности с «украинской» на «русскую» пришелся на 1990-е и 2000-е гг. В среднем на приграничных территориях Белгородской области доля украинского населения снизилась в два раза: с 7,0 % в 1989 г. до 3,5 % в 2010 г. (табл. 1). Отметим, что темпы сокращения численности украинского населения в Белгородской области в этот период были бы ещё выше, если бы не приток мигрантов из Украины и жителей из северных регионов РФ, среди которых также были мигранты-украинцы. Вместе с этим в постсоветский период произошла быстрая «замена» декларируемой идентичности автохтонным населением юго-востока Белгородчины и юга-запада Воронежской области. Например, в Ровеньском районе в 1989 г. украинцы составляли 73,0 %, а в 2010 г. – уже только 7,0 % (см. табл. 1); схожая динамика наблюдалась и в соседних районах Воронежской области. -

Однако причины смены официальной национальной идентичности в постсоветский период и в 1930-х годах значительно отличались. Ключевую роль, по нашему мнению, здесь сыграл распад СССР и появление реальной границы между Россией и Украиной. Большое значение имела и сама смена официальной идеологической концепции государства с внешне подчеркнуто *интернационального* СССР с его провозглашаемым «равенством советских народов» на концепцию так же де-юре равных этносов, но всё же государственность *национальную* – российскую, многими гражданами (если не большинством) воспринимаемую как государственность, где «титовая нация» – русские⁴. Другими словами, несмотря на относительно либеральную национальную политику в 1990-е гг. (за исключением кавказофобии, вызванной войнами в Чечне) и общую атмосферу свободы политического и культурного самовыражения, в первое постсоветское десятилетие происходит массовый отказ от декларирования себя украинцами (а также белорусами и др.) в пользу идентичности русской.

Как пишет по этому поводу В.В. Степанов, в этнически смешанных семьях «предпочтение отдавалось наиболее престижной и статусной форме идентичности – русской. Именно поэтому в России статистически стало меньше украинцев и белорусов, хотя они

⁴ По данным ВЦИОМ утверждение «Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав» поддерживали в течении предыдущих десяти лет от 26 до 38 % россиян, ещё от 10 до 23 % и вовсе полагали, что «Россия должна быть государством русских людей», т.е. откровенно неконституционные идеи по «национальному вопросу» в разные опросные периоды разделяли от 36 до 61 % граждан [Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2611 «Россия – общий дом для разных народов». URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=781>.].

не “исчезли”. <...> Перепись как бы забежала вперед, отражая факт этнической ассимиляции представителей этих и ряда других групп, хотя на самом деле процесс развивается медленнее и не столь однозначно» [Степанов, 2018, с. 68].

Т.А. Листова, проводившая исследования на юге Воронежской области, считает, что в последние десятилетия произошло «совмещение этнического и гражданского самосознания, что и отразилось в переписи 2010 г., показавшей резкое уменьшение числа этнических украинцев» [Листова, 2014, с. 120]. Однако «формальное определение себя русским по национальности, что стало массовым явлением, далеко не всегда соответствует реальному самосознанию» [Листова, 2014, с. 133]. То есть на практике в районах компактного проживания автохтонного украинского населения произошло совмещение двух идентичностей – русской, как символа страны проживания и гражданства⁵, и украинской (в просторечии часто «хохляцкой»), как идентичности субэтнической или идентичности происхождения.

В связи с тем, что процессы взаимного культурного влияния и даже симбиоза не находили и не находят отражения в статистических данных, т.к. в документах и при переписях населения жители могут указывать только одну национальность, актуальность исследования реальной этнической идентичности всё более возрастает. Тем более, что данные последней имеющейся статистики национального состава, микропереписи 2015 г., свидетельствуют о дальнейшем увеличении доли русского населения (с 94,4 % в 2010 г. до 96,8 % в 2015 г.) и сокращения украинского (с 2,8 до 1,4 %) в Белгородской области⁶. Но, опять же, это произошло не за счёт естественно-демографических или миграционных процессов⁷, а за счёт распространения того, что учёные Института социологии РАН назвали «осциллирующей этнической идентичностью», когда «украинцы в Белгороде и крымские татары в Симферополе не хотели идентифицировать себя со своей этнической группой. В сложившемся социально-политическом контексте 2015 г. две этнические группы оказались стигматизированы» [Социальные факторы..., 2017, с. 65].

Таким образом, если исходить из статистических данных национального состава по переписям населения, за последние восемь десятилетий мы наблюдали процесс кардинальной (а в 1930-е и 1990-е гг. даже революционной) трансформации этнического состава населения Белгородского региона с биетничного в моноэтничный. В приграничных с Украиной районах Белгородской области доля жителей, называющих себя русскими, за период 1926–2010 гг. возросла с 50,9 до 93,6 %, а украинцами – сократилась с 48,5 до 3,5 % (см. табл. 1).

Однако в значительной степени показатели переписей населения носят номинальный характер, т.к. обозначения национальности «русский» и «украинец» имеют теперь более гражданское, нежели чисто этническое значение. При этом украинские этнокультурные признаки, выражающиеся прежде всего в языке, бытовой и материальной культуре продолжают сохраняться у жителей местностей, в прошлом населённых украинцами, и даже распространились на «чисто русское» население (например, в гастрономии, языковых особенностях и пр.). В послевоенный период, благодаря повсеместному распространению смешанных браков и миграционным процессам, в регионе сформировалась значительная группа населения со смешанной русско-украинской культурой и идентичностью.

В данном случае мы согласны с мнением С.Я. Сущего, который исследуя этнические тенденции в регионах Юга России отмечает, что «в регионах со сложной этнической структурой, тем более в таких, где самая значительная часть населения представлена дву-

⁵ Данную идентичность правильнее было бы называть российской, но сами жители этим термином практически не пользуются, вкладывая значительную часть гражданской идентичности в этноним русский.

⁶ Итоги микропереписи населения 2015 г. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html.

⁷ Наоборот, приток вынужденных мигрантов из Украины в 2014–2015 гг. должен был бы увеличить долю этнических украинцев в населении региона.

мя близкими народами, а также их многочисленным смешанным потомством, вопрос об этнической принадлежности не позволяет установить реальную этнодемографическую картину, поскольку весомая (иногда даже количественно доминирующая) группа «смешанного» населения во время переписи ставится перед жестким выбором одного из двух, по сути, равноценных ответов. И предпочтение, как правило, является конъюнктурным, определяется привходящими обстоятельствами, не имеющими отношения к реальной этнической самоидентификации» [Суций, 2017, с. 66].

Население с двойной русско-украинской идентичностью в Белгородской области

Несмотря на проведение ряда исследований в приграничных с Украиной российских регионах и достаточно детальное описание этнокультурных черт населения, механизмов трансформации этнического самосознания местных жителей, вопрос о количественных параметрах распространения феномена множественной русско-украинской идентичности во многом остаётся открытым.

При проведении социологического исследования по изучению идентичности жителей Белгородской области в 2017 г.⁸ нами была выявлена интересная закономерность. Отвечая на вопрос «Как бы Вы могли оценить количественно долю проживающих в Вашем городе (районе) русских и украинцев?» респонденты как правило выбирали варианты ответа, многократно завышающие долю украинского населения⁹. Самым распространённым стал такой вариант ответа: «60–79 % – русские, 21–40 % – украинцы», т.е. выбирали вариант, «завышающий» долю украинцев (от той, что была зафиксирована последними переписями), примерно в десять раз. Лишь 29,7 % опрошенных выбрали правильный (т.е. подтверждаемый статистикой) вариант соотношения двух основных народов региона – «свыше 80 % – русские, менее 20 % – украинцы». Ещё 18,4 % вообще оценили это соотношение как равное – «примерно 50 % – русские, 50 % – украинцы», а 3,7 % и вовсе указали вариант, в котором количественно преобладают этнические украинцы.

Также в исследовании 2017 г. при ответе на вопрос «На Ваш взгляд, какие этнические (национальные) корни имеет большинство жителей Вашей местности?» 79,6 % опрошенных указали вариант «смешанные русско-украинские» и лишь 12,9 % – «чисто русские» (ещё 6,2 % затруднились ответить, 1,1 % – указали «чисто украинские», 0,2 % – предложили иные варианты).

Эти данные свидетельствуют о значительном расхождении общественного мнения в оценке собственной идентичности и идентичности окружающих людей. Большинство жителей региона, оценивая свою собственную национальность, называет себя только русскими, но свое окружение считает этнически смешанным (русско-украинским), в котором доля украинцев по восприятию многократно превосходит долю тех, кто называет себя украинцами. Иначе говоря, жители пограничных с Украиной регионов РФ намного чаще «видят» украинцев в других, нежели сами готовы назвать себя украинцами, в том числе и потому, что ныне данный этноним воспринимается, прежде всего, как символ принадлежности к соседнему государству, а использование его в последние годы особенно некомфортно в условиях конфронтационных взаимоотношений двух стран.

При опросе 2017 г. нами было выявлено, что в целом в Белгородской области о наличии у них смешанной русско-украинской идентичности заявили 16,2 %, только русскими себя назвали 76,6 %, только украинцами – 1,4 %, иные варианты национальности указали 5,8 %. Кроме того, было установлено, что доля лиц с множественной русско-украинской идентичностью, как правило, выше в районах исторического проживания

⁸ Социологический опрос проведён в мае-июле 2017 г. во всех городских округах и муниципальных районах Белгородской области в соответствии с квотной выборкой (n = 1000).

⁹ По данным переписи населения 2010 г. 94,4 % жителей назвали себя русскими и 2,8 % – украинцами, а по данным микропереписи 2015 г. – 96,8 и 1,4 % соответственно.

украинского населения, которые в большинстве своем являются приграничными. Соответственно установление доли населения с двойной идентичностью и более детальное исследование его самосознания стало целью социологического опроса в 2018 г., проведенного во всех 10 приграничных муниципальных образованиях региона¹⁰.

Результаты опроса показывают, что уровень распространённости смешанной русско-украинской идентичности в приграничных районах Белгородской области значительно различается: наименьшее число таких лиц, зафиксировано в Волоконовском районе (16,8 %), наибольшее – в Ровеньском районе (49,6 %) (рис. 1).

Рис. 1. Относительное число жителей со смешанной русско-украинской идентичностью в приграничных районах и городских округах Белгородской области по данным опроса 2018 г.
 Fig. 1. The relative number of residents with a mixed Russian-Ukrainian ethnic identity in the border areas of the Belgorod region according to a 2018 survey

В распределении относительного числа лиц с русско-украинской идентичностью прослеживается определённая закономерность. В западной части Белгородской области их доля составляет около 30 % (Краснояружский район – 31 %, Грайворонский – 29 %, Борисовский – 32 %, Белгородский – 29 %). Эти территории исторически имели высокую численность украинского населения (за исключением Белгородского района), особенно Краснояружский и Борисовский районы, где, например, в 1926 г. доля украинцев составляла 88 % и 72 % соответственно (см. табл. 1).

¹⁰ Общее количество респондентов – 2 060, из которых 500 – лица, назвавшие себя «и русскими, и украинцами одновременно». Анкета включала 37 вопросов, из которых первые 6 (пол, возраст, длительность проживания, тип поселения, район проживания, национальность) задавались всем респондентам (совершеннолетним постоянным жителям районов, где проводился опрос); 6-й по счёту вопрос («Кем Вы себя считаете по национальности?») был вопросом «отсечения», т.е. последующие вопросы анкеты (в силу их направленности именно на лиц со смешанной идентичностью) задавались только тем, кто в вопросе о национальности выбрал вариант ответа «и русским(ой), и украинцем(кой) одновременно». Такая методология позволила выявить долю лиц с русско-украинской идентичностью, их базовые половозрастные и миграционные характеристики.

В центральных приграничных районах и в г. Белгороде доля жителей со смешанной идентичностью ниже, чем в западных районах в полтора-два раза: г. Белгород – 20 %, Шебекинский гор. окр. – 19 %, Волоконовский район – 17 %, Валуйский – 18 % (см. табл. 1). Исторически на данных территориях русские составляли численное большинство (за исключением Волоконовского района, где по данным переписи 1926 г. украинцы составляли 60 % жителей (см. табл. 1).

В юго-восточной части области относительная численность респондентов, указывающих на русско-украинскую идентичность, вновь возрастает: в Вейделевском районе – 25 %, в Ровеньском – 50 % (см. рис. 1). Этот результат также имеет свои исторические основания, поскольку юго-восточная часть области в прошлом имела наибольшую долю украинского населения в исследуемом регионе (в 1926 г. на территории Вейделевского района украинцы составляли 73 %, а в Ровеньском – 95 % (см. табл. 1), а украинская идентичность сохранялась у большинства местных жителей значительно дольше, чем в остальных районах области – вплоть до 1990-х гг.

Кроме массового опроса жителей приграничных районов и городов Белгородской области, в тех же муниципальных образованиях мы провели и экспертный опрос (N = 167) по проблематике идентичности населения. Экспертами выступили представители учреждений культуры и образования, государственные и муниципальные служащие, по роду своей деятельности связанные с культурно-гуманитарной политикой, представители общественных организаций. Личная этническая идентификация экспертов не учитывалась в анкете и не являлась фактором отбора респондентов.

Как показали результаты экспертного опроса, среди представителей интеллектуальной элиты городов и районов, в которых проводилось исследование, мнение об однородности или полиэтничности их территорий разделилось примерно поровну. Половина (50,9 %) экспертов полагает, что население их местности в этнокультурном смысле однородно, т.е. фактически отсутствует разделение на русских и украинцев, а остальные этнокультурные группы настолько немногочисленны, что их влияние на общий этнокультурный портрет территории почти незаметно.

Другая часть экспертов – 37,1 %, напротив, полагает, что население их местности разделяется на несколько этнокультурных сообществ, среди которых чаще всего эксперты называли следующие этнические группы: русские, украинцы (по 56,8 % каждую¹¹), турки и турки-месхетинцы (35,1 %), цыгане (27,0 %), армяне (18,9 %). Примечательно, что в самом вопросе не содержалось указание именно на этнические группы, эксперты могли назвать и «неофициальные» этнокультурные сообщества, но случаи упоминания таких сообществ были фактически единичны (перевертни, хохлы, москали, саяны, мамоны, северяне, кавказцы и др.). Таким образом, если исходить из мнения опрошенных нами экспертов, деление населения на две основные этнокультурные группы с экзоэтнонимами «москали» и «хохлы», широко употреблявшееся в XVIII–XX вв., практически ушло в прошлое.

Кроме того, консолидации этнокультурных групп автохтонного славянского населения способствовало и появление на исследуемых территориях в конце 1980-х – начале 1990-х гг. «новых» этнических сообществ, прежде всего, турок-месхетинцев. В сравнении с ними этнокультурная дистанция между русскими и украинцами не столь велика, соответственно появление иноэтничных групп стало дополнительным фактором «срачивания» идентичностей местного населения русского и украинского происхождения.

Однако несмотря на постепенное нивелирование этнокультурных различий между лицами русского и украинского происхождения, проживающими в Белгородском регионе,

¹¹ От числа выбравших вариант ответа «население нашей местности разделяется на несколько этнокультурных групп».

данный процесс имеет скорее характер не унификации в общероссийской культурной среде, а слияния элементов русской и украинской этнокультур, и появления некой новой региональной субкультуры и идентичности, в которой подавляющее число рядовых жителей уже не выделяет отдельные элементы русского или украинского происхождения. Кстати, как показало наше исследование 2017 г., региональная и локальная идентичности у местного населения занимают значительно более высокие места в иерархии идентичностей, нежели идентичность этническая (локальную идентичность в тройке основных назвали 53 % жителей, региональную – 50 %, а этническую – только 22 %).

Заключение

Результаты переписей недостаточно объективно отображают палитру этнических идентичностей населения как вследствие политизации «национального вопроса» (по причине чего население воспринимает этническую идентичность в качестве декларации гражданской и/или политической лояльности), так и в связи с отсутствием возможности указания двойной (множественной) этноидентичности, что особенно актуально на территориях, где большинство населения имеет смешанное этническое происхождение. В такой ситуации выбор официальной идентичности жителями в большей степени определяется конъюнктурой общественно-политической ситуации, нежели реальным этническим самовосприятием. Необходима существенная корректировка методологии сбора данных об этническом составе населения, в пользу такой, которая позволит не только фиксировать несколько этноидентичностей, но и более детально разьяснять суть вопроса жителям (уход от термина «национальность» в пользу «этничности»).

Социологические исследования 2017 и 2018 гг. показывают, что двойную русско-украинскую этническую идентичность в Белгородской области в целом декларируют в своих анкетах 16,2 % респондентов, а в приграничных с Украиной муниципалитетах – 22,7 %. Сопоставление этих данных с исторической статистикой этнического состава свидетельствует, что лишь около половины потомков украинского населения (от уровня первой четверти XX в.) сохранило элементы украинской идентичности. Следовательно, двойная этноидентичность скорее является переходным этапом в ассимиляционном процессе, нежели устойчивой межпоколенной социокультурной группой. Однако явление русско-украинской идентичности вряд ли может исчезнуть совсем как в силу приграничного характера региона (а, следовательно, взаимодействия с украинским этническим ареалом по ту сторону границы), так и в силу устойчивого сохранения украинских этнокультурных элементов в идентичности местного населения. Более того, при изменении (даже небольшим) культурно-гуманитарной политики в сторону её большей поликультурности возможно и частичное количественное восстановление групп как «смешанного» населения, так и моноэтнических сообществ, численно пребывающих в меньшинстве.

Явление множественной этноидентичности безусловно не ограничивается русско-украинской субэтнической группой, которая в силу особенностей региона является крупнейшей в Белгородской области и, возможно, самой большой в стране. Продолжающиеся процессы этнокультурного взаимодействия приводят к возникновению новых слоёв населения с биетничной идентичностью. Например, в настоящее время в Белгородской области в местах компактного проживания турок-месхетинцев мы наблюдаем признаки появления множественной русско-турецкой идентичности как вследствие постепенного распространения браков между русскими и турками, так и частичного принятия русской идентичности (через общественные институты, такие как школа или армия) собственно турецким населением, однако масштабы этого явления количественно не сопоставимы с группой русско-украинского населения.

Таким образом, впервые с помощью социологических методов была выявлена доля жителей с двойной русско-украинской идентичностью в приграничных с Украиной российских территориях. Эти данные показывают необходимость совершенствования методологии сбора статистических сведений об этническом составе населения страны. Статья может представлять интерес для этносоциологов, этнологов и сотрудников статистической службы РФ.

Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ и Правительством Белгородской области научного проекта № 18-411-310006 «Особенности идентичности этнически смешанного русско-украинского населения Белгородской области».

Список литературы

1. Богдавленский Д.Д. 2006. 80 лет со времени Всесоюзной переписи населения 1926 года. Демоскоп Weekly: 267–268. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0267/arxiv01.php>.
2. Дроздов К.С. 2016. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М., Институт российской истории РАН, 487 с.
3. Дудка А.И., Оноприенко И.Г. 2011. Этнокультурный синтез в великорусских губерниях юга России в пореформенный период (на примере Курской и Воронежской губерний). Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика, 19: 138–144.
4. Листова Т.А. 2014. Воронежские украинцы – русские хохлы. Вестник антропологии, 2: 116–139.
5. Социальные факторы межэтнической напряженности в России. Отв. ред. Ю.Б. Епихина, М.Ф. Черныш. 2017. М., ФНИСЦ РАН: 336 с.
6. Суший С.Я. 2017. История, современность и перспективы украинцев юга России: демографорасселенческий аспект. Народонаселение, 3: 63–74.
7. Тишков В.А. 2007. Демографические «голодоморы». Родина, 7: 84–89.
8. Филонович С.А. 2019. История заселения Центрального Черноземья в зоне русско-украинских контактов. Вестник Армавирского государственного педагогического университета, 1: 135–145.
9. Чижикова Л.Н. 1988. Русско-украинское пограничье. М., Наука, 256 с.
10. Степанов В.В. 2018. Этнокультурное многообразие России и возможности статистических измерений. В кн.: Этническое и религиозное многообразие России. Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М., ИЭА РАН: 67–96.

References

1. Bogoyavlenskij D.D. 2006. 80 let so vremeni Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1926 goda [80 years since the 1926 Soviet Union Population Census]. Demoskop Weekly: 267–268. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0267/arxiv01.php>.
2. Drozdov K.S. 2016. Politika ukrainizacii v Central'nom Chernozem'e, 1923-1933 gg. [The policy of Ukrainization in the Central Black-Earth Region, 1923-1933]. Moscow, Institut rossijskoj istorii RAN, 487 p.
3. Dudka A.I., Onoprienko I.G. 2011. Etnokul'turnyj sintez v velikorusskikh guberniyah yuga Rossii v poreformennyj period (na primere Kurskoj i Voronezhskoj gubernij) [Ethnic and cultural synthesis in Southern Russian provinces in Post-reform period (Evidence from Kursk and Voronezh regions)]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Politologiya. Ekonomika. Informatika, 19: 138–144.
4. Listova T.A. 2014. Voronezhskie ukraincy – russkie hohly [Voronezh Ukrainians – Russian Khokhols]. Vestnik antropologii, 2: 116–139.
5. Social'nye faktory mezhetniceskoj napryazhennosti v Rossii [Social factors of interethnic tension in Russia]; Ed. Yu.B. Epihina, M.F. Chernysh. 2017. Moscow, FNISC RAN: 336 p.
6. Sushchij S.Ya. 2017. Istorija, sovremennost' i perspektivy ukraincev yuga Rossii: demograforasseleneskij aspekt [The history, the present and the prospects for the Ukrainians of Southern Russia: Demographic settlement aspect]. Narodonaselenie, 3: 63–74.

7. Tishkov V.A. 2007. Demograficheskie «golodomory» [Demographics «Holodomors»]. *Rodina*, 7: 84–89.
8. Filonovich S.A. 2019. Istoriya zaseleniya Central'nogo Chernozem'ya v zone russko-ukrainskih kontaktov [The History of the settlement of the Central Black Earth region in the area of Russian-Ukrainian contacts]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 1: 135–145.
9. Chizhikova L.N. 1988. *Russko-ukrainskoe pogranich'e* [Russian-Ukrainian borderland]. Moscow, Nauka, 256 p.
10. Stepanov V.V. 2018. Etnokul'turnoe mnogoobrazie Rossii i vozmozhnosti statisticheskikh izmerenij [Ethnocultural diversity of Russia and the possibilities of statistical measurements]. In: *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and religious diversity of Russia] / Pod red. V.A. Tishkova, V.V. Stepanova. 2018. Moscow, IEA RAN, 67-96.

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Бубликов В.В. 2019. Уровень распространения множественной русско-украинской этноидентичности в Белгородской области. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право.* 44 (4): 562–573. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-562-573

Bublikov V.V. 2019. The level of distribution of multiple russian-ukrainian ethnoidentity in the Belgorod region. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series.* 44 (4): 562–573 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-562-573